

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. С. Байков

1956
ВЕНГРИЯ
ГЛАЗАМИ
ОЧЕВИДЦА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 94
ББК 63.3
Б 18

Ответственный редактор: *В. В. Молчанов*

Редактор: *Е. В. Шмелева (Байкова)*

Редактор: *В. В. Байков*

Предисловие: *Е. В. Шмелева (Байкова)*

Послесловие, примечания и биографический справочник
подготовлены *А. С. Стыкалиным* (Институт славяноведения РАН)

Рецензенты:

д.и.н. *А. С. Степанов*, к.и.н. *Б. С. Новосельцев*

Б 18 Байков В. С.

1956. Венгрия глазами очевидца. — М. ; СПб. : Нестор-История,
2016. — 152 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0966-7

Воспоминания Владимира Сергеевича Байкова, переводчика и референта ЦК КПСС, выходят через 60 лет после драматических событий, произошедших на многострадальной венгерской земле. 23 октября 1956 года началась, как тогда клеймила это советская пропагандистская машина, «контрреволюция», а после переосмысления всех обстоятельств ее стали называть «народным восстанием». Книга Владимира Байкова, который в те тяжелейшие дни находился постоянно рядом с новым руководителем Венгрии Яношем Кадаром, поможет еще глубже понять логику действий советского и венгерского руководства, а также трагизм последствий принятых ими решений.

*Фотографии из семейного архива В. С. Байкова,
а также из открытого венгерского интернет-ресурса Fortepan
<http://www.fortepan.hu/>*

ISBN 978-5-4469-0966-7

9 785446 909667

УДК 94
ББК 63.3

© В. С. Байков, наследники, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Об авторе

Многие социологические опросы, проведенные в Венгрии, дали неожиданный результат: самым популярным политическим лидером XX века венгры называют Яноша Кадара. Когда в ноябре 1956 года он был доставлен в Будапешт на советском танке, его многие восприняли враждебно. Спустя тридцать лет на его похороны пришли сотни тысяч благодарных венгров.

В. С. Байков

Эта книга воспоминаний посвящена первым годам политического становления Яноша Кадара как руководителя страны и раскрывает многие интересные моменты того сложного периода.

В начале ноября 1956 года по приказу советского руководства референт ЦК КПСС Владимир Байков был срочно направлен в Венгрию, где фактически работал в ближайшем окружении венгерского лидера Яноша Кадара в самые тяжелые дни венгерского восстания.

Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с его оценками тех или иных персонажей, событий, описываемых в книге, но они исходят от человека, побывавшего по стечению обстоятельств в самой гуще событий шестидесятилетней давности.

Владимир родился в многодетной семье, у него были две старшие сестры. Трудиться начал рано — в тринадцать, приписав пару лет, чтобы приняли на работу на завод «Динамо». Совсем мальчишкой стал одним из кормильцев семьи.

Интерес к литературе, к письму у него проявился еще в школе и сопровождал всю его жизнь. Заметки Владимира Байкова стали выходить в различных печатных изданиях: сначала в заводской многотиражке, затем в газете Электротехникума, где он учился, совмещая учебу с работой. В 1935 году он поступил на отделение прозы Литературного университета (ныне Литинститут

им. А. М. Горького), работал ответственным секретарем журнала «Электротяга». Потом была «Пионерская правда», а в 1939 году после окончания университета Владимир Сергеевич начал писать кандидатскую диссертацию о творчестве Джека Лондона. Для этого он даже поступил на вечерний факультет иностранных языков педагогического института и выучил английский.

Впереди была интереснейшая работа редактором отдела литературно-драматических программ Всесоюзного радиокomiteта при Совнаркомe СССР. Однако творческие и жизненные планы перечеркнула Великая Отечественная война. Летом 1941 года он пошел в ополчение, стал курсантом Московского пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР, участвовал в битве под Москвой. Получил тяжелое ранение, но вскоре опять встал в строй. Во время войны он служил в артиллерии, а после очередного ранения вернулся к своей профессии журналиста: стал редактором дивизионной газеты, военным корреспондентом, инструктором политотдела 1-й ударной Армии.

День Победы, 9 Мая, уже старший лейтенант Владимир Байков вместе с частями Советской армии встретил на улицах освобожденной Праги. За мужество, за нелегкий боевой путь государство наградило его двумя орденами «Красной Звезды» и пятью медалями.

Как Владимир Байков после войны попал в Венгрию, выучил трудный язык, оказался свидетелем венгерских событий 1956 года и подружился с Яношем Кадаром, читатель узнает, прочитав эту книгу.

Елена Шмелева,
дочь В. С. Байкова

Предисловие

На этом свете я прожил 85¹ лет, из которых последние 50 лет волею судьбы душой и сердцем был прикован к Венгрии, много работал в этой стране, но и потом, живя в Москве, постоянно соприкасался с радостями и горестями венгерского народа. И только теперь я решил рассказать о событиях, которые наблюдал, и о людях, которые мне встречались. Мои воспоминания за давностью лет могут быть в чем-то неточны в оценках, возможно, субъективны, излишне эмоциональны, но я постарался передать картины венгерской жизни минувших лет по возможности близко к действительности, хотя на оценки этих событий наложился, конечно, и мой жизненный опыт. И, как зачастую бывает у пожилых людей, происходит процесс пересмотра былого в своих поступках, действиях и воззрениях, определяемых веяниями века, происходит переосмысление событий в долгих раздумьях или под влиянием вновь открывшихся исторических фактов и неизвестных ранее архивных документов.

Встреченные мной за полвека лица и деятели различных должностей и рангов, со своими индивидуальными особенностями, характерами и поступками — продукт своего времени, и я попытался это тоже отразить. Но ведь и я сын своего века, почти его ровесник или, как раньше говорили, «продукт невероятно бурной эпохи» с ее взлетами, падениями, успехами, радостями и трагедиями, противоречиями и проблемами.

Это век революций, контрреволюций, ожесточенных войн, период исторического воплощения романтических мечтаний униженных людей и реального осуществления надежд в новых социалистических странах. Но это и время непримиримого сопротивления власть имущих, а в конце века — сокрушительный крах мечты бедноты всей Земли на справедливость: реставрация старых устоев жизни, углубление социальной пропасти между привилегированными и бесправными слоями населения, еще более контрастное разделение на богатых и бедных, фактическая ликвидация элементарных прав для обнищавшей части человечества, вынужденной существовать на границе голодной смерти.

Не прошли в какой-то степени эти события и мимо Венгрии, но мадьяры снова устояли в этих международных дрязгах. Мне пришлось многое повидать: за последние полвека я был наблюдателем, а иногда и участником послевоенной жизни венгерского народа. Моя книга — воспоминания о людях, которых мне довелось узнать, которые работали со мной в Венгрии многие годы: учителя и ученики, соратники и просто знакомые... Среди них много было и тех, кто переживал за судьбу Венгрии, и тех, кто был безразличен к венграм. Часть воспоминаний посвящена венгерским и советским деятелям культуры, много сделавшим для сближения двух народов.

Находясь в гуще политических событий полувековой давности, будучи свидетелем послевоенной истории взлетов и падений советско-венгерских отношений, в этой книге я попытался проанализировать их, начиная с послевоенных лет. В особенности это касается событий 1956 года — времени, которое я считаю переломным и судьбоносным в развитии связей между нашими государствами.

Самая значительная часть публикации посвящена воспоминаниям о незабвенном Яноше Кадаре — ярком представителе боевой и нестигаемой плеяды настоящих революционеров, с которым мне посчастливилось долгое время рядом работать и жить. Неслучайно, по результатам опроса жителей Венгрии, в конце минувшего века Кадар был назван самым великим венгром своей страны.

Я переводил беседы Яноша Кадара с тогдашними руководителями СССР — Хрущевым, Суловым и многими другими, поэтому я пишу и о них.

Поскольку во время переводческой службы мне часто задавались вопросы и о моей «личности», в книге приводятся некоторые биографические сведения об авторе этих воспоминаний.

Часть 1.

Знакомство с Венгрией

...В Венгрию я попал после окончания Отечественной войны, в сентябре 1945 года, вместе с нашей Гвардейской артиллерийской дивизией Резерва Главного Командования после короткого пребывания под Прагой.

Из Чехословакии мы ехали через Вену. Нас поразили контраст между австрийцами и венграми. Жителей прославленной веселой Вены и других городов этой страны мы видели унылыми, с какими-то серыми лицами, хмурыми, безрадостными, поникшими. В Австрии в то время были голод, полная нищета и инфляция.

В первом же венгерском селе нас удивило невиданное в Австрии обилие сельских продуктов, многочисленные базары, похожие на ярмарки. Все чем-то торговали, обменивались собственными поделками, продуктами. Когда мы останавливались в сельских городках, жители пытались и нас втянуть в этот торговый круговорот: предлагали менять вино, фрукты и овощи на папиросы и консервы. Потом я узнал, что этот натуральный обмен был своеобразной формой народной борьбы с дороговизной. Тогда я и подумал: «Неунывающий народ!» И это несмотря на то, что в стране также была инфляция², в существовании которой мы сами убедились, — рабочие голодали, лишь совсем недавно они получили прибавку пайка хлеба до 150 граммов в день.

В Венгрии были свои внутренние проблемы, мы вскоре узнали и об этом. Но первое впечатление от народа, который не согнули никакие трудности и переживания, осталось у меня на всю жизнь. Я еще не предполагал тогда, в 1945-м, что буду полвека радоваться успехам незнакомых для меня людей и переживать их трагедии. За эти полвека у меня были и свои жизненные новости: я изучил мадьярский язык, участвовал в ответственных акциях по укреплению дружбы советского и венгерского народов, познакомился с шедеврами литературы и искусства ранее неизвестной мне страны.

Знакомство с венгерским языком началось с того, что нас, редакцию дивизионной газеты «За честь Родины», разместили вместе

с другими подразделениями нашей Гвардейской дивизии в городе Дьёндьёше (Gyöngyös). Меня определили на постой в семью крестьянина Миклоша Сюча, занимавшегося виноградарством. В доме никто не знал ни слова по-русски. На следующий день Миклош пригласил переводчика — соседа Ференца Хугаи (Hugai Ferenc)³, владевшего частной языковой школой. Мне повезло: он отлично знал английский, я более или менее сносно говорил по-английски, и он сразу же переманил меня к себе на постой с условием, что я буду учить его и его дочь Илону русскому языку, а если я захочу — обучаться у него венгерскому.

На следующий же день начались занятия. Учителем Хугаи оказался настойчивым, твердым — сто слов и фраз надо было зубрить каждый день. Это было напряжение, но радостное. Он и его дочь не отставали, они заучивали такое же количество русских слов, хотя учитель был гораздо старше меня.

Я до сих пор бесконечно благодарен этому фанатику-филологу. Это было, конечно, счастье встретить такого учителя в небольшом венгерском городке, где мне была уготована провинциально-унылая жизнь армейского офицера.

Кроме английского, Хугаи преподавал французский, испанский, немецкий и итальянский. Он объездил много стран, был, несомненно, европейски образованным человеком. Вдобавок Хугаи был еще и переводчиком художественной литературы, показывал мне переведенную им в 30-х годах книгу Романа Роллана (Romain Rolland) с благодарственным автографом знаменитого французского писателя.

Каторжные занятия по методике Максимилиана Берлица (Maximilian Berlitz), основанной на полном погружении обучаемого в среду изучаемого языка, усиленные моим учителем формулой «зубрить и еще раз зубрить», дали свои результаты. Сначала я сдал экзамен у Хугаи на знание 3000 слов, затем — на 5000, и через три-четыре месяца старался читать заголовки газетных статей и пытался как-то, как говорил мой учитель, «заикаться по-венгерски». А языковой практики было много: на улице, в кинотеатрах, в венгерских компаниях, куда меня приглашали.

Ференц Хугаи потомственный, как он рассказывал, в пятом поколении сельский учитель. Для меня же он был академиком своего дела, эрудированным знатоком венгерской литературы.

В Дьёндьёше его уважали и даже избрали председателем городского Общества венгеро-советской дружбы.

Во время проведения послевоенной аграрной реформы⁴ в стране Хугаи помогал земледельцам, сельскохозяйственным рабочим, батракам, всем беднякам, кто обращался к нему, писать прошения и оформлять документы на право владения землей и жильем, отобранном у помещиков. Он ходил к местным властям за правотой и справедливостью, участвовал в создании местного отделения Всевенгерского союза трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Не все в Дьёндьёше симпатизировали Хугаи, а в особенности те, кто в недавнем прошлом считался «бомондом» города. Это помещики, виноторговцы, хозяева местных заводов и угольных лигнитных шахт, владельцы отелей в соседних горах Матра, церковные должностные лица, имеющие еще власть⁵ и надеющиеся восстановить ее в старом, полном объеме, но больше всего они не поддерживали его симпатию к беднякам. Бывшие городские хозяева запрещали учить язык у «красного учителя», не хотели, чтобы дети ходили в его школу.

Интеллигентный, бескорыстный и добрый человек учил детей обездоленных батраков иностранным языкам бесплатно. Он бесконечно любил родную Мадыарию, много рассказывал мне о тяжелой судьбе своего народа, о его гордом, революционном, негибаемом характере. А когда я стал читать по-венгерски, первым художественным произведением, мною прочитанным, был рассказ писателя Жигмонда Морица «Семь крейцеров» (1908) — трагический рассказ о нищей жизни трех миллионов мадьяр, обобщенная и символическая картина несчастий великих тружеников земли венгерской.

Хугаи пробудил во мне любовь к Венгрии, к ее трудовым людям. Мне несказанно повезло: у него я прошел напряженный университет наук, и это было счастливое время, словно я вернулся после суровых будней войны к своей довоенной мирной жизни филолога и журналиста⁶.

Когда я стал понимать и немного говорить по-венгерски, он познакомил меня с некоторыми жителями города, ставшими моими новыми друзьями и собеседниками (разумеется, с помощью Хугаи). Они сказали, что отношение к расквартированным по домам моим

однополчанам, бойцам и офицерам было разным — и по-крестьянски радушным, а где и явно недоброжелательным. Это зависело от характера хозяев дома и от армейских квартирантов, а также от недавних воспоминаний о событиях в обеих странах, которые были театром военных действий.

Это были и незалеченные душевные раны, и трагедии многих советских солдат, у которых во время войны погибли семьи, а в венгерских семьях — не затухшая еще ненависть к советским пливским казакам⁷. Вообще-то, казаки воевали здесь в 1944 году против гитлеровцев, но многие из них показывали свою удаль и на беззащитных венгерских жителях.

Впрочем, большинство населения знало страшные, суровые законы войны и понимало, что солдаты — такие же подневольные люди, как и они, да и у многих жителей Дьёндьёша отцы, братья и сыновья прошли войну на Украине и в России. Некоторые из числа отпущенных из советского плена, а также раненные советские солдаты, только что возвратившиеся домой, рассказывали, как гитлеровцы всегда подставляли венгерские части для прикрытия собственного отступления. Большинство же украинских и русских жителей не издевались над ними, а женщины даже жалели бойцов, помня, что их собственные мужья и дети испытывают подневольную солдатскую судьбу.

Командование нашей части не очень-то позволяло гвардейцам дивизии распысываться, старалось наладить нормальные отношения с населением, бесплатно подвозило недостающее продовольствие, кофе, соль, уголь и некоторые промтовары. Солдаты помогали восстанавливать кирпичный и инструментальный заводы, шахты, мельницы, железнодорожную ветку в южном направлении на Адач (Adács), давали тягловую силу, трактора и горючее на осенние вспашки, предоставляли грузовые автомобили, ремонтировали сельскохозяйственную технику.

Но кое-кто, особенно из обозленных католических кругов, лишившихся при проведении крестьянской земельной реформы своих владений, люто ненавидели советских солдат, настраивали молодежь на всяческие враждебные действия. Так, однажды на вечере танцев, организованном местной католической церковью, неожиданно выключили электричество. В зале началась стрельба, а когда свет появился, посреди зала лежал убитый советский

солдат, а около него записка: «Русские, вон из нашего дома!» В виноградниках находили трупы бойцов, затащенных туда после зверских издевательств.

Именно в то время кому-нибудь из властей предержавших и в СССР, и Венгрии надо было проанализировать эти явления — и тогда, вероятнее всего, не было бы драматического для обеих стран продолжения этих столкновений в 1956 году.

Тем более что мирные жители Дьёндыша с нескрываемой ненавистью вспоминали ужасные месяцы салашизма⁸ — внутреннего венгерского фашизма, выкормленного режимом Хорти. Мои новые друзья, в особенности из числа бывших военнопленных, вспоминали насильственную салашистскую мобилизацию в армию и на принудительные фронтовые работы всех лиц мужского пола: и кому исполнилось 12 лет, и 70-летних стариков, и ежедневные полицейские облавы на уклонявшихся.

Особенно запомнился страшнейший разгул салашистской реакции в феврале 1945 года, когда нилашисты⁹ убивали людей, уклонявшихся от призыва в армию, ловили их во время проверок по домам. Люди рассказывали, что по многим деревням и селам искали венгров, которые побывали в советском плену и были отпущены домой. Делалось это по приказу военного министра нилашистского правительства. Люди, озираясь, как бы кто не подслушал, рассказывали, что тогда в одном из сел, недалеко от Дьёндыша, казнили бывших военнопленных солдат. Жители города предупреждали, чтобы все уцелевшие при прежних облавах прятались. Салашисты охотились и за другими невинными людьми в окрестных селах и увозили их в Германию.

Люди, приезжавшие из Будапешта, где также свирепствовал фашистский террор, рассказывали, что в городе забрали многих патриотов, а также иудеев из бедных еврейских семей (богатые либо успели уехать, либо откупились!) и расстреляли их на берегу Дуная¹⁰. А нерасстрелянных погнали пешком неизвестно куда.

За время короткого, но жуткого правления Салаши¹¹ немецкие солдаты грузили в вагоны награбленные товары из Дьёндыша, насильственно отбирали у крестьян зерно, мясопродукты, подсолнечное масло, муку, масло, вино, сахар, изымали ценности у тех, кто не успел их спрятать. У крестьян отбирали все подчистую и еще издевались: обещали заплатить после войны.

Как я потом узнал, из всех стран-сателлитов гитлеровской Германии самому безжалостному ограблению немецкие фашисты подвергли именно Венгрию: они вывезли 20 процентов всего достояния страны. Город Дьёндьёш, например, был одним из центров винодельческого производства Венгрии, поэтому салашисты и гитлеровцы конфисковывали у крестьян бочки с вином, увозя их на грузовиках и в вагонах.

Наш сосед Миклош Сюч рассказывал, что он очень горевал, когда у него по чьему-то доносу немцы нашли зарытую четырехсотлитровую бочку вина, задолго приготовленную для свадьбы сына, находящегося в советском плену и которого должны были вот-вот вернуть.

Но, несмотря на огромную вражескую силу, страшный террор, активные подпольщики-коммунисты и бывшие военнопленные (среди них оказались старики, изведавшие русский плен еще в Первую мировую войну) поведали мне о том, как вместе с социал-демократами, также загнанными в подполье, в сентябре 1944 года участвовали в партизанской борьбе. Они вредили венгерским и немецким фашистам чем могли и как могли, организовывали молодежные боевые вооруженные группы, участвовали во взрывах автомашин оккупантов и уничтожали гитлеровских солдат и офицеров, зверствовавших в окрестностях.

Особенно усилились действия боевых групп патриотов в октябре-ноябре 1944 года, которые осмелели с приближением частей Советской армии. Как раз в то время недалеко от Дьёндьёша облили бензином и сожгли целую колонну немецких машин, вывозившую из города наворованную муку.

Ненависть к немецким и венгерским фашистам была так велика, что из жителей Дьёндьёша никто тогда не выдал прятавшихся по домам венгерских партизан. Мне рассказывали, что двое партизан из города Дьёндьёша Янош Бачи (скорее, это Янош бачи, т. е. дядя Янош — *от ред.*) и Петер Ковач в ноябре 1944 года участвовали в боях за освобождение города Мишкольц (Miskolc). Они вместе с советскими войсками в составе венгерского отряда, насчитывающего несколько сот человек, помогали рабочим металлургического комбината спасти от взрыва заминированные немцами цеха.

Город Дьёндьёш был освобожден в ноябре 1944 года. Спустя год мне удалось наблюдать и первые послевоенные выборы

в Национальное собрание Венгрии¹². Мои знания венгерского языка были еще столь невелики, что я слабо ориентировался не только в программах различных партий, но даже в их названиях. Тогда мне помогли разобраться в партийных хитросплетениях мои друзья из Дьёндьёша. Все афишные тумбы и доски были обклеены плакатами. Помню огромный портрет Матьяша Ракоши (Rákosi Mátyás). Не знал я еще тогда, что мне потом долгие годы придется работать с этим человеком.

Местные бедняки и батраки рассказали о простом, но результативном избирательном трюке, проделанном в Дьёндьёше (как потом выяснилось, и по всей стране) по приказу верховного клира католических деятелей¹³. Дело в том, что среди кандидатов в выборах участвовала и Демократическая народная партия Иштвана Баранковича (Barankovics István), обещавшая всем венгерским верующим католикам рай на земле.

Во время выборной кампании эта партия объединилась с Партией мелких сельских хозяев, а точнее влилась в нее¹⁴. В день выборов, а это было в воскресенье 4 ноября 1945 года, когда все верующие венгры обязательно идут в костел на воскресную утреннюю молитву, церковнослужители зачитали послание кардинала Йожефа Миндсенти (Mindszenty József), где говорилось, что все честные люди должны объединиться в Партию мелких сельских хозяев и голосовать за их кандидатов¹⁵.

Католическая религия пользуется у большинства мадьярского населения непререкаемым духовным авторитетом. Все проголосовали за эту партию, и она вышла на первое место. А для Коммунистической партии Венгрии, по инициативе которой была проведена земельная реформа, равная по своему значению новому обретению Родины¹⁶, когда сбылась вековая мечта трудового крестьянина и он наконец получил землю в полную собственность, результаты выборов оказались неожиданностью, более того, чувствительным ударом, их поражением.

Это было и первым звонком для группы Ракоши, пришедшей к власти на штыках Советской армии¹⁷ — армии, которая сметала с мадьярской земли гитлеровских захватчиков и хортистских фашистов, а вместе с ними и крупных латифундистов и фабрикантов, и лишившихся помещичьей власти, крупных католических деятелей. Компартия не учла в достаточной мере, что 25-летний

период хортизма, предшествующий поражению Венгрии, воевавшей на стороне Гитлера, а также озлобленная антисоветская агитация и реакционные католические проповеди в период с 1939 по 1945 год не прошли бесследно.

Ракоши и его команда прибыли властвовать из Москвы, как говорится, на готовенькое. Они всю жизнь были коминтерновскими работниками и не разобрались в сложившейся ситуации. При эйфории власти эта группа, уверенная, что ее с радостью примет в свои объятия население страны, крупно просчиталась. Ни Матьяша Ракоши, ни его приближенных не знали в Венгрии, да и по национальности в большинстве своем они были не венграми, а евреями. Вся их политическая жизнь с 1919 года проходила вне ее границ, в основном в СССР. А когда они в 20–30-е годы направлялись на свою родину на подпольную работу, их быстро сажали в тюрьмы по доносам фашистских стукачей. Хортистская политическая контрразведка, как известно, зародилась еще до итальянского фашизма Муссолини, до немецкого гестапо и обучала гитлеровских фашистов борьбе с нелегалами Коминтерна. Компартию Венгрии, как зараженную хортистскими разведчиками и провокаторами, распускали несколько раз¹⁸. Я узнал об этом позднее, работая в ЦК КПСС.

В руководстве компартии в должной мере не изучали настроения основной массы участвующих в голосовании людей, понадеялись на свои большие должности в Коминтерне. А должности у них были действительно, по коминтерновским масштабам, высокие. Ракоши после 16-летнего заключения и освобождения (в октябре 1940 года его обменяли на станции Негорелое на трофейные венгерские знамена, захваченные русской армией в ходе подавления освободительного движения 1848–1849 годов) руководил зарубежным ЦК компартии Венгрии. Эрнё Герё (Gerő Ernő) был довольно видным деятелем Коминтерна. Михай Фаркаш (Farkas Mihály) был генеральным секретарем Коммунистического интернационала молодежи — КИМа. Таким же было и окружение новой коммунистической верхушки Венгрии, большинство — из аппарата Коминтерна.

О новых правителях Венгрии знали очень немногие, а против коммунистов работали крупные и квалифицированные силы буржуазных партий, католической верхушки, имевшей огромный, многовековой, международный опыт духовного порабощения народов¹⁹. На этих выборах развернулась оперативная работа тайной

католической организации «Католическое действие» («Katolikus Akció»). И, конечно, все противники коммунистов не преминули воспользоваться ошибками пришлых людей от Ракоши.

Надо добавить, что Ракоши и его окружение, приехавшие из Москвы, никогда не работали на производстве, мало кто из них прошел школу практического руководства, а им вдруг вручили руководство целой страной. Но на другие местные кадры из коммунистов-подпольщиков Москва опереться не пожелала. Это была не столько их вина, сколько беда, да и советский опыт проведения выборов Ракоши и его окружение в большинстве своем, как показали первые же выборы, даже в конкретике изучали в недостаточной мере.

Сталин при организации так называемых «выборов», например, не допускал таких больших проколов, как это сделал Ракоши. Да и поторопились новоявленные венгерские правители с проведением выборов довольно сильно. Тот же Сталин провел их спустя 20 лет после завоевания большевиками власти в 1917 году, а Ракоши — всего через 7 месяцев после изгнания советскими войсками гитлеровских захватчиков за пределы страны²⁰.

В газетах того времени руководство компартией сваливало провал на выборах как раз на происки врагов, но это было свидетельством того, что правильных выводов оно не сделало. Это была не победа реакции, а первое крупное поражение высших партийных руководителей страны. Оно еще аукнется и в будущем развитии страны, и в 1956 году²¹. Мои друзья рассказывали, что поражение коммунистов на выборах ободрило помещиков и местных виноторговцев в Дьёндьёше. Некоторые возвратились в город и потребовали, чтобы им вернули отобранные земли. Новых хозяев, бывших бедняков, стали сгонять с полученных ими земель, отбирать виноградники.

В городе Асод (Aszód) в центральной части Венгрии уже появились хортистские офицеры со своим отличительным знаком — с жандармским петушиным пером на шляпе. Полицейские и жандармские чины снова начали получать пенсии. На улицах Дьёндьёша появились молодчики в фашистской форме²².

Однако в этот раз бывшим хозяевам Дьёндьёша обратно взять власть не удалось²³. Местные крестьяне начали откапывать спрятанные до нужных времен винтовки и автоматы, собрались

на вооруженный митинг и сказали, что стоять будут насмерть, а землю не отдадут, и отстаивали свои законно полученные виноградники и земли для посева²⁴.

За полтора года послевоенной жизни в Дьёндьёше, в этом небольшом городке, я увидел многоликую Венгрию, только что освободившуюся от гитлеровского нашествия. В событиях, которые я наблюдал в городе, как в капле воды отражались процессы, происходившие по всей стране. Чувствовалось, что наступил мир, что в городе не стреляют ни отступавшие гитлеровцы, ни зверисалашисты, ни наступавшие пливские казаки. Я был свидетелем огромной радости крестьян, целовавших землю, из поколения в поколение облитую потом предков и своим собственным, которая только теперь стала полностью им принадлежать.

Видел я и глаза недавно полновластных хозяев этой земли: налитые таким сгустком ненависти к бывшей, по их мнению, гольгѳе, ко всем этим землепашцам-беднякам, батракам, мелким арендаторам, бесправным крепостным. Состоятельные денежные тузы испытывали презрение, как они считали, ко всем этим «нелюдям». Теперь бывшие бедняки становились хозяевами Дьёндьёша, его окрестностей, вплоть до подножья гор Матра; они стали полноправными людьми, не уступающими дорогу ни бывшим узурпаторам всего и вся в Дьёндьёше, ни их прислужникам.

Я довольно близко познакомился с жизнью этих бывших крепостных, а теперь свободных виноградарей. Они от зари до заката при изнуряющей жаре растили виноград. Из него этими же трудягами-виноделами производилось мировой известности дьёндьёшское вино, которое местные виноторговцы бочками везли на Запад.

Таким же трудягой был мой первый учитель венгерского языка Ференц Хугай, человек высшей порядочности. Он, как мне казалось, был местным дьёндьёшским Кола Брюньоном. Талантливый художник слова, преданный людям, ему до всех и до всего было дело. Не думая о себе, он мог вступить в драку за неповинно оскорбляемых людей. Виноградари любили его, тонкой души интеллигента, считали своим и вместе с ним выпили не одну бутылку доброго дьёндьёшского вина. А сам он, несмотря на преподавательский талант, многостороннюю образованность, огромную эрудированность, завидное трудолюбие, не заработал себе ни огромного состояния, ни «палат каменных».

В последние несколько месяцев перед моей демобилизацией мы с ним писали лекции о венгерской литературе и на русском, и на венгерском языках. Писали — это, конечно, громко сказано: он мне диктовал их по-венгерски, я записывал рядом с венгерским текстом по-русски. Эти бесценные для меня памятные плоды нашей дружбы хранятся у меня до сих пор.

Хугаи числил меня среди своих учеников — для меня это большая честь. Он считал, что ничто так не содействует дружбе народов, как знания этих народов друг о друге, об их обычаях и культуре. На прощание он сказал, что доверяет мне будущее знакомство московской молодежи с венгерской литературой. Собрал он для меня и небольшую библиотеку самых великих писателей земли венгерской. Эти книги до сих пор стоят у меня на полке как свидетели бескорыстной души просветителя.

Хугаи говорил мне, что и я обязан иметь учеников как норму жизни уважающего себя интеллигента: это отдача народу за то, что народ обучил тебя и воспитал, что народ тебе дал возможность стать интеллигентом. «Всё может пропасть, как сказал мне Ромен Роллан, — вспоминал Хугаи, — и состояние может пропасть, и дом сгореть, и близкие поумирают, но верные тебе ученики останутся».

Горьким было расставание. Я подарил ему на память мой фронтальной фотоаппарат фирмы «Лейка» (Leica), сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, присланные мне с оказией из Москвы. Пришло время моей демобилизации, и я уехал в Москву.

Часть 2.

Ученики

...И вот, отслужив положенные армейские годы, я снова в Москве.

Осенью 1947 года я набрался храбрости, рискнул подать документы на конкурс и был зачислен преподавателем в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Это было необычное учебное заведение. Здесь готовили переводчиков, говорящих почти на всех языках тех стран, где стояли наши войска или имелись военные представительства. Режим в институте был строгим: курсантам не разрешалось говорить на русском даже в курилках (заговоришь — и плакала твоя увольнительная на воскресенье). Поэтому за четыре года обучения знание языка и страны становилось очень высоким. На венгерском отделении готовили переводчиков для полков и дивизий, дислоцированных в Венгрии.

Мне поручили вести курс истории венгерской литературы: занятия проводились два раза в неделю. Вот когдагодились мои дьёндёшские университеты и всё, чему меня обучил Хугаи. Но все же для лекций материала было недостаточно: приходилось в свободные дни просиживать в ленинской или иностранной библиотеке, чтобы знакомиться с имеющейся там литературой, а вечерами и ночами отстукивать на машинке тексты лекций. Один экземпляр для себя, второй на рецензирование, третий — на просмотр факультетскому начальству. В военном учреждении порядки были наистрожайшие.

Слава Богу, мои литературные рецензенты отличались добротой. Вспоминаю, прежде всего, кандидата филологических наук Клару Евгеньевну Майтинскую — главного специалиста Академии наук по угро-финским языкам. Она окончила Будапештский университет и еще в 20-е годы приехала в СССР с одной из немногих туристических групп, влюбилась в гида «Интуриста» Женю Блинова — поэта и переводчика, вышла за него замуж и осталась в Советском Союзе. Защитилась, стала доктором филологии, профессором. Ее трехтомник «Венгерский язык» стал на многие годы научной книгой для всех, кто серьезно изучал язык мадьярского народа.

Второй мой рецензент — Роза Богдань, которая помогла мне разобраться в проблемах периодизации литературы и ее связях с общей историей культуры Венгрии.

Слушатели отбирались из военнотружущих или абитуриентов, сдавших вступительные экзамены после средней школы. Некоторые из них прошли военными дорогами 1941–1945 годов. Среди них Юрий Шишмонин, Вадим Гусев, Степан Шевяков, фронтовой разведчик Александр Гершкович. Это был уже последний, четвертый, курс, и некоторые из слушателей — Олег Громов, Геннадий Лейбутин, Иван Салимон — давали мне на просмотр свои пробы пера — художественно-литературные переводы с венгерского. Впоследствии многие выпускники этого курса, отслужив в армии и демобилизовавшись, стали переводчиками основных изданий Политиздата, а наиболее талантливые потом составили группу переводчиков классической и современной литературы, а также драматургических произведений Венгрии. Некоторые из них были приняты в Союз писателей страны и в другие творческие объединения. Так, став преподавателем венгерской литературы, я выполнил совет Хугаи, венгерского Кола Брюньона, — у меня появились ученики.

Благодаря энтузиастам переводческого дела на русском языке вышли в свет самые значительные произведения К. Миксата, Ж. Морица, Г. Гардони, Ф. Мора, П. Сабо, П. Вереша, Л. Немета, Д. Иллеша, Д. Костолани, Л. Надь, Т. Дери, Й. Дарваша, Л. Мештерхази и других писателей — классиков и современников. Венгерская литература и культура становилась близкой и знакомой многомиллионной русской аудитории. Я тоже по мере возможности старался не отставать от своих учеников: редактировал их книги, принимал участие в переводах произведений Петера Вереша (Veres Péter).

В этом далеко не полном перечислении имен в основном авторы прозы. Изданием жемчужин венгерской поэзии занимались такие мастера, как Антал Гидаш (Hidas Antal) и Агнеш Кун (Kun Ágnes), которые немало сделали для укрепления связей венгерской и советской литературы. Они выпустили блестящую антологию венгерских поэтов, где были собраны произведения от Балинта Балашши (Balassi Bálint), основателя венгерской лирической поэзии, до Атилы Йожефа (József Attila), классика европейской лирики в переводах лучших советских поэтов того времени²⁵.

Но вернемся к Военному институту иностранных языков. Читая курс литературы, мне, естественно, пришлось рассказывать и об истории Венгрии, и о своеобразии, и об особенностях ее культуры. Глубокое «мадярство» проявилось в отстаивании народных корней, самобытности, стремлении защитить себя от любых нападений, отчаянном сопротивлении каким-либо посягательствам и попыткам габсбургского онемечивания. Я снова вернулся в напряженное (кто хоть когда-нибудь писал курс лекций — поймет меня), но счастливое время. Считал себя баловнем судьбы, а то, что приходилось часто отказывать себе в отдыхе и развлечениях, да и спать всего по три-четыре часа в сутки, не пугало — сил пока хватало.

Опыт подготовки слушателей в ВИИЯКе пригодился мне в следующий приезд в Москву, когда на филологическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова была организована группа венгерской филологии. В то время меня пригласили преподавателем (по совместительству с основной работой) двух годовых наборов, читал я там венгерскую литературу.

Тогда, в 50-е годы, в МГУ я принимал участие в выпуске двенадцати специалистов венгерского языка и литературы. Некоторые из них стали серьезными учеными: Юрий Павлович Гусев стал доктором филологических наук, одним из ведущих специалистов Института мировой литературы РАН по венгерскому литературоведению; Наталья Молодцова защитила диссертацию по истории венгерского театра; Елена Умнякова — кандидат филологических наук, выпускает работы по литературе Венгрии рубежа XIX–XX веков; Людмила Козырева (Софронова) стала профессором, заведующей отделом в Институте славяноведения РАН; Александр Гершкович стал кандидатом филологических наук, был приглашен на преподавательскую работу в Колумбийский университет. В различных сферах венгеро-русских культурных связей работают выпускники МГУ — Людмила Григорьева, Ольга Подольская, Лариса Косолапова. Многие из них не порывали связи со мной: звонили, консультировались, советовались, и не только по литературоведческим проблемам. Не скрою — гордился, радовался каждому звонку.

Часть 3.

В представительстве Совинформбюро 1947–1950

Летом 1947 года меня вызвали в ЦК партии и назначили заместителем представителя Советского информбюро в Венгрии. Представителем там уже работал журналист Федор Потемкин, но он не знал венгерского языка и поэтому для связи с прессой я был направлен в Будапешт. Видимо, мои добрые опекуны из Военного института иностранных языков Клара Майтинская и Роза Богдань похвалили кадровикам мой мадьярский. А возможно, подобрать другого кандидата просто не хватило времени и исходили из русской поговорки — «На безрыбье и рак рыба».

В ЦК, честно говоря, не очень интересовались ни моей уверенностью, что справлюсь с новыми обязанностями, ни сомнениями на этот счет. Скорее всего, моя кандидатура отвечала критериям анкеты: из рабочих, член партии, воевал, награжден, в других партиях не состоял, не судим, в связях с враждебными организациями не находится, в оккупации не был, родственников за границей нет, женат, морально устойчив. Чего еще надо?! Словом, начальство решило — а умнее его никого нет — и назначение состоялось.

Но моя личная уверенность подкреплялась тем, что в год, предшествовавший направлению меня в будапештское Совинформбюро, я не переставал заниматься мадьярским по несколько часов в неделю. Ставила мне правильное произношение диктор радиовещания на Венгрию, светлой памяти, Лилия Анатольевна Белоцерковская — дочь комиссара венгерской коммуны 1919 года, хлопотунья, мой дружок-заблудушка. Позже она переехала жить в Венгрию.

Перед поездкой в Будапешт мне пришлось некоторое время стажироваться в главном центре Совинформбюро в Леонтьевском переулке — в бывшем здании германского посольства, покинутого своими хозяевами в 1941 году, как только началась война. Выездные документы я получал здесь же.

Совинформбюро ранее было известно как государственная информационная служба, в годы войны передававшая всему миру

наши сводки о действиях Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны. Это была организация не только информирующая, но и пропагандирующая советские успехи.

Война закончилась, необходимость в военных сводках отпала, но в 1947–1948 годах возросла острая необходимость пропаганды всего советского — начался активный период «тотального идеологического наступления на растленную и растлевающую культуру и мораль».

Вот и Совинформбюро наряду с другими организациями было поручено выполнение новой задачи: организовать идеологическое наступление в капиталистических странах — в самом логове врага, а также в новых народно-демократических странах, а стало быть, и в Венгрии. Началось идеологическое наступление в первую очередь в СССР. В известных «зубодробильных» постановлениях того ждановского времени беспощадно расправлялись с писателями от Ахматовой до Зощенко, музыкантами от Прокофьева и Шостаковича до Мурадели за так называемые «формалистические искажения» радостной советской действительности. Одновременно поднимались на пьедестал щедро обласканные ученые, писатели, поэты, художники и музыканты, те, кто «шел в ногу с партией», то есть представители «оплаченного оптимизма».

У меня складывалось впечатление, не сразу, конечно, а по более поздним сопоставлениям фактов, на основе наблюдений, раздумий, обмена мнениями с другими людьми, что эта кампания была развернута очень обдуманно. Миллионы и миллионы советских солдат, офицеров, представители всех слоев нашего общества побывали в Чехословакии, Германии, Австрии, Финляндии, Польше, Венгрии, Югославии, Болгарии (а военнопленные были и в других буржуазных странах) и смогли сопоставить западную жизнь с советской действительностью, причем не в пользу СССР. У многих тогда закрались в душу сомнения: дескать, «неладно что-то в Датском королевстве». Эти настроения отразились и в послевоенных художественных произведениях мастеров литературы, музыки и кино. Такие вредные настроения, по критериям приверженцев партийно-идеологического прессы, были недопустимы, подрывали всю официальную систему взглядов «все советское — самое лучшее в мире», вбиваемых партийной пропагандой, и эти воззрения надо было немедленно выжигать. В механизм этой «выжигательной»

кампании, но уже в зарубежных государствах, было включено и Совинформбюро (и я в Венгрии в том числе).

Моей стажировкой в Совинформбюро и подготовкой к поездке в Венгрию руководил Соломон Абрамович Дридзо, более известный под партийным псевдонимом — Алексей Лозовский. Помимо руководителя Совинформбюро он был еще и заместителем министра иностранных дел по совместительству. Несмотря на свой «исторический авторитет» одного из лидеров Коминтерна, известного международного партийного деятеля, генерального секретаря Профинтерна 1921–1937 годов, Лозовский выделялся среди других моих наставников какой-то учительской мягкостью, эрудированностью, начитанностью, знанием нескольких языков, умением слушать собеседников — словом, незаурядным был человеком!

Мы удивлялись и радовались тому, что он уцелел после кровавого 37-го, ведь он был в партии с начала века, участвовал в февральских и октябрьских событиях 1917 года, знал «кто был кто» и, вероятно, хорошо представлял себе истинную роль Сталина в «трех революциях».

Сталин таких свидетелей, как Лозовский, уничтожал, а в особенности тех, кто непосредственно видел, что вся мифология о великих деяниях Сталина в Октябрьском перевороте 1917 года — блеф, выдумки подхалимов и его собственная сталинская ложь. Но радовались мы, как потом выяснилось, рано. Сталин за год до своей смерти в числе других старых большевиков, каким-то чудом уцелевших после 1937 года, расстрелял и Лозовского²⁶. Позже Лозовский был посмертно реабилитирован — такова типичная судьба российского большевика при сталинском режиме.

Узнав, что меня направляют в Мадьярию, 70-летний старик стал живо расспрашивать о Венгрии, в которой ему не удалось побывать, но отчасти он был знаком с ней по рассказам Матьяша Ракоши, который в начале 20-х годов работал с ним бок о бок в Коминтерне. Поглаживая свою седоватую профессорскую бородку, Лозовский вспоминал: «Ракоши тогда еще не было и 30-ти, а мне было уже за 40, но он знал языков вдвое больше меня, а секретарем Коминтерна Ракоши стал в 29 лет!»

Он попросил меня передать Ракоши привет, однако предположил, что, дескать, молодой неизвестный журналист вряд ли будет вхож так запросто к Генеральному секретарю венгерских коммунистов.

Тогда он написал письмо и попросил его передать лично в руки «Дорогому другу Матвею». Удалось мне это не сразу, в Посольстве вообще не советовали это делать. Но письмо я сохранил и вручил Ракоши при подходящем случае, хотя и значительно позже.

По прибытии в Будапешт представитель Совинформбюро Федор Потемкин и я были направлены послом Георгием Пушкиным к главному редактору «Сабад Неп» («Szabad Nép» — «Свободный Народ») Йожефу Реваи (Révai József), которому венгерские товарищи поручили шефство над представительством Совинформбюро. Реваи сказал нам, что задачи у нас и у них общие — наступление на буржуазную идеологию, поэтому он окажет нам посильную помощь. Мы заикнулись, что хорошо было бы, если бы нам помогали два-три квалифицированных журналиста. Он усмехнулся: тогда, по его мнению, получилось бы не наступление, а перестрелка одиночными. Для такого нужного дела в вашем распоряжении будет 30–50 самых квалифицированных журналистов Венгрии, знающих, как надо перерабатывать ваши материалы для прессы. Он поручил нам: организуйте бюро переводчиков, и за дело! Только побольше просите из Москвы статей, очерков, зарисовок об образе жизни советских людей. Для оперативности передачи материалов из Москвы Реваи уже дал распоряжение выделить нам радиотелеграфный аппарат немецкой фирмы «Хелл».

«Если будут проблемы — сразу обращайтесь ко мне!» — сказал он на прощание.

Мы, окрыленные таким приемом, доложили о создании советско-венгерского информцентра нашему послу. Он тоже обещал содействие, подыскал особняк недалеко от Посольства. И в дальнейшем Реваи относился к нашей вновь созданной конторе очень внимательно. Он придавал большое значение всем видам информации из СССР, часто приглашал к себе, сам неожиданно приезжал к нам. Однажды, когда в МТИ (Magyar Távirati Iroda — Венгерское Телеграфное Агентство) испортился «Хелл» и венгерские коллеги не сумели вовремя получить из Москвы материалы очередного пленума ЦК ВКП(б), Реваи попросил передать из Москвы текст постановления ЦК на наш «Хелл». Он полдня просидел у нас в бюро, читая каждую страницу, требовал от своих сотрудников в МТИ немедленного перевода издаваемого текста и заметно волновался. За время, которое я был с ним знаком, он вообще ка-

зался мне нервно-вздернутым, импульсивным человеком, как у нас говорят — «заполошным». Реваи посылал получаемые из МТИ переводы в сверхсрочный набор, вызывал дополнительно наборщиков и редакционных корректоров. Тогда он даже задержал выпуск газеты «Сабад Неп», явно боялся, что не сможет оперативно доложить Москве о своевременной публикации материалов пленума ЦК ВКП(б).

После того случая авральной и сверхсрочной работы он попросил нас параллельно с МТИ принимать важнейшие материалы Москвы, говорил, что в МТИ появились саботажники. Тогда в Венгрии начался новый виток «охоты на ведьм». Он поставил в наше представительство второй аппарат «Хелл» и прикрепил двух мастеров-наладчиков для профилактического осмотра и своевременного ремонта телетайпов. Работы нам значительно прибавилось.

Главный идеолог Коммунистической партии Венгрии Йозеф Реваи, который в ряде статей и выступлений того времени сформулировал основную идеологическую задачу дня — максимально приблизить к «сталинской модели пролетарской диктатуры»²⁷ практику венгерского бытия, беспрекословно осваивать опыт социалистической жизни в СССР и внедрять его в Венгрии, — стал фактически нашим патроном.

Он говорил, что мы должны запрашивать из Москвы побольше сведений об идеальных советских людях — стахановцах, добросовестных тружениках, верных своему долгу солдатах, образцах «светлого будущего», тех, кто, без всякого сомнения, служит целям социалистического строительства. Подчеркивалось также, что надо получать и положительные материалы о руководителях Советского Союза, информацию о художественных выставках произведений социалистического реализма, где на холстах и в мраморе изображены вожди партии, чтобы на эти выставки обратили внимание и потом показали их в Венгрии, запрашивал репродукции картин политических лидеров СССР.

На одной из выставок советского искусства Реваи сказал, что мы должны учиться у советской культуры, чтобы отныне не на Париж, а на Москву обращать свои взоры²⁸. И мы стали работать еще напряженнее: требовали все заказанные Реваи материалы от Москвы, да и Москва не дремала — засылала нам килограммы бандеролей с рукописями, а «Хелл» выдавал свежие позитивные новости.

Только обработка этих материалов на мадьярском шла не столь гладко — венгерские журналисты никак не могли привыкнуть к «московскому» стилю. Информация была часто вымученная, в большинстве своем непонятная для венгерских читателей, откровенно тенденциозная, а по объему и содержанию — длинная и скучная. И только когда мы, посоветовавшись с Реваи и послом Пушкиным, получили разрешение сокращать и вносить «живинку» в эти материалы, чтобы они заинтересовали венгерских читателей, — дело более или менее сдвинулось.

Естественно, что образ жизни в СССР на венгерской земле пропагандировало не только наше представительство, но и все советские организации. Сталинское вмешательство в культуру другой страны сказалось даже в том, что именно «вождь народов» определял, кто из писателей Венгрии лучший. По личному решению Сталина в число лауреатов премии его имени попали в 1952 году венгерские писатели — Тамаш Ацел (Aczél Tamás) и Шандор Надь (Nagy Sándor). Скороспелое личное решение Сталина оказалось неудачным: впоследствии Шандор Надь спился, а Тамаш Ацел продал свою медаль на аукционе в Лондоне.

Технология присуждения премий была у вождя — «великого ценителя искусств» — такова: на предварительном заседании он отбрасывал материалы, подготовленные комиссией по сталинским премиям. Он начинал обычно так: «Я прочитал недавно такую-то книгу — это очень хорошее произведение социалистического реализма! А Вы не читали? Жаль!»²⁹

Затем творческим союзам, работникам аппарата ЦК КПСС, Совмину давалось задание представить доказательства его мнения. Никакие споры и аргументы от противного не допускались. Сталин любил повторять: «Премии я даю из фонда своих собственных средств, заработанных мною лично, — гонорарных доходов от издания моих собственных книг». Но это была очередная ложь: произведения «вождя всех народов» — доклады на съездах, статьи, выступления на совещаниях — готовились огромным сонмом работников и бесчисленными «мозговыми центрами», журналистами, работниками различных идеологических служб страны. Эти авторские группы обычно неделями и месяцами сидели в санаториях ЦК КПСС и Совмина, готовили отдельные части очередного «опуса» Сталина. Редакционные же комиссии селились в просторных

правительственных дачах (чаще всего на бывшей даче Горького) и занимались «редактированием сталинских литературных произведений». Было издано тринадцать томов собрания сочинений миллионными тиражами, не считая отдельных книг и брошюр.

Значительно позже, после смерти Сталина, его творения, которыми были забиты многочисленные склады, здания церквей и монастырей, строго и секретно охраняемые (о том, что эта литература не расходуется, никто не имел права информировать вождя), — сжигались или перерабатывались как макулатура. Позднее, когда я работал в Политиздате (Издательство политической литературы ЦК КПСС), мне довелось быть в составе комиссии, решавшей, сжигать или пускать на бумажное сырье эти многомиллионные тиражи. Ракошисты в своем верноподданническом рвении угодить Сталину во многом старались забежать вперед и быть «левее Папы Римского» среди соцстран-сателлитов.

Попытка сделать слепок с советской макрохозяйственной структуры, что при отсутствии ресурсов, равных СССР, было экономическим безумием, в конечном итоге привело страну к развалу³⁰. Но эти «макропробы» не сразу стали видны населению, далекому от теоретических изысков венгерских руководителей, да и не очень разбиравшемуся в них. Гораздо очевиднее венграм, от мало до велика, от школьников до стариков, было вымывание всего мадьярского из обыденной жизни, забвение вековых национальных обычаев и привычек венгерских людей.

Знаменитую на всю Европу, красивую, со вкусом украшенную позументами, аксельбантами, различными цветными шнурами и другой атрибутикой гусарскую форму заменили на невзрачную «цвета хаки», зато по советскому образцу! На отмену этой формы не решались даже Габсбурги — выученики пруссацкой линейности воинских доспехов. Или, например, лишили будапештские воинские парады былой красоты, на которые ходил смотреть весь столичный люд. Даже у венгерских школьников и студентов вместо отметок по нисходящей: 1 — лучшая, 5 — худшая, введенных еще в средние века, заменили на советскую систему. Хотя логики и древней человеческой мудрости в тех оценках (самая первая — самая лучшая), конечно, больше, чем у новоявленных советских наркомпросовцев. Все эти и другие, а их было много на каждом шагу, «мелочи жизни» были простому люду небезразличны,

в отличие от верховных горе-деятелей, которым доверили руководить страной.

Забегая вперед, замечу: в 1956 году вокруг этих «новшеств безразличия» к народным традициям строились многие призывы к ликвидации таких порядков и такой власти, которая безнаказанно плюет в лицо исконным венграм, издевается над их национальными чувствами. Это была одна из причин «революции чувств». Те, кто считал восстание 1956 года контрреволюционным, называли эти чувства «националистическими извращениями и настроениями, излишним мадьяризмом».

Вся эта идеологически наступательная, оптимистично хвалебная кампания всё больше увязала в глубоких противоречиях, проецировалась на внутренние события в стране, где в более широком масштабе, чем раньше, разворачивались репрессии и преследования инакомыслящих.

Политическая обстановка в стране, особенно перед парламентскими выборами 1947 года, была довольно сложной. Да и после выборов, когда победили коммунисты³¹, она не улучшилась, хотя будапештская и провинциальная печать кричала об огромной исторической победе.

В то время руководство Ракоши, как известно теперь, не без провокационной подсказки и помощи бериевских служб еще со второй половины 40-х годов организовало ряд акций, связанных с лишением прав своих противников в борьбе за власть.

Венгерская партия независимости (Magyar Függetlenségi Párt) Золтана Пфейффера (Pfeiffer Zoltán) была дезавуирована, его самого лишили гражданства и спровоцировали бежать за границу, а имущество организации реквизировали. Ликвидировав одну из старейших социал-демократических партий в Европе, ее влили потом в компартию³². Многих бывших руководителей социал-демократии впоследствии ожидала тюрьма.

Путем ряда политических манипуляций Ракоши и его сподвижники (надо признать, что он был в этом непревзойденным мастером), подавляя всё и вся, расчищали себе путь к власти, втягивая в интриги и сметая всех, кто им сопротивлялся. И это было определено как новый курс на социалистическое переустройство страны. На самом же деле это был курс на создание новой государственной машины подавления.

С 1948 года крестьян начали широкомасштабно и принудительно загонять в сельхозкооперативы. Все это сопровождалось обобществлением (отчуждением) земли, розданной этим же крестьянам в первый год после освобождения страны. Коммунисты сами под собой пилили сук, на котором сидели с 1945 года.

В мае 1949 года по вымышленным обвинениям был арестован тогдашний министр иностранных дел Ласло Райк (Rajk László), а вместе с ним еще десятки людей. Многих, и его в том числе, расстреляли. Сотни бывших коммунистов-подпольщиков с большим стажем борьбы с фашизмом, рабочие, социал-демократы и другие честные люди за несколько ближайших лет были репрессированы. По некоторым более поздним данным, их число достигло 300 000 человек³³, то есть, по сути, каждый третий член Венгерской партии трудящихся. Становилось очевидно (мы, журналисты — это почувствовали нутром), что до наших оптимистических сообщений никому не было дела, да и в правдивость советских, и даже собственных, венгерских публикаций в периодической прессе верило все меньше читателей.

В эти годы, по моим наблюдениям, в широких слоях народа начался процесс осмысления сообщений печати, сопоставления их с действительностью. Люди больше стали верить зарубежному радио, которое также врало, как умело, но зато критиковало, а не захлебывалось восторгами. Нам пришлось потихоньку сворачивать бурную информационную деятельность и через два-три года после начала нашей пропагандистской суеты мы пришли к выводу, что планы тотального идеологического наступления провалились, и представительство Совинформбюро свою пропаганду прекратило³⁴. К счастью, у меня все эти годы была и другая работа, связанная с тем, что действительно необходимо для укрепления советско-венгерской дружбы.

Как журналист, я много ездил по стране, писал очерки о венгерских тружениках, много фотографировал и направлял мои снимки и литературные работы в различные советские газеты и журналы. Горжусь, не скрою, юбилейным выпуском журнала «Огонёк», вышедшим к пятилетию освобождения Венгрии от гитлеровцев, для которого я подготовил почти половину номера. Продолжал я совершенствовать и свой венгерский язык: кроме прослушивания будапештского радио и обычных бесед со знакомыми горожанами,

служебных разговоров с коллегами, меня включили в так называемую кинопросмотровую комиссию Посольства. Нужно было почти ежедневно переводить венгерские титры к зарубежным фильмам — великолепная практика для последующей работы по синхронному переводу.

В это же время по рекомендации посла меня приняли вольнослушателем на филологическое отделение Будапештского университета. Кроме того, я читал лекции в Русском институте при философском факультете университета по тематике «Серебряного века» в русской литературе. Так что как в Дьёндьёше и в Москве, так и в Будапеште мне не приходилось скучать, здоровье пока выдерживало, хотя темпы, которые я себе задал, были в то время сверхнапряженными. Но зато как все это было интересно!

В те годы я познакомился и с университетскими студентами — будущей «движущей силой» предгрозовых теоретических (да и практических) бурь лета 1956 года и реально действующей силой в событиях октября 1956 года. Студенты воспринимали меня без настороженности, качеств засланного зарубежного «стукача» во мне не видели. Хотя уже в это время широко начались репрессии и в студенческой среде и «посторонних» надо было опасаться. Молодежь держалась со мной достаточно откровенно, доверительно. Воспитанники же Русского института вообще считали меня своим — они готовились к работе в СССР, и большинство вопросов сводилось к сюжетам на тему: «Как было у вас, как сейчас у вас? Расскажите о нашей будущей жизни в СССР».

Однако по многим вопросам, которые мне задавали в Русском институте совсем не по теме лекции, чувствовалось, что разные аспекты творчества русских поэтов начала века — имажинистов и акмеистов, Блока и Есенина, — о которых я читал лекции, их интересуют гораздо меньше, чем острые проблемы современной венгерской действительности. Чувствовалась нервная напряженность и на этих своеобразных «пресс-конференциях»: мне приходилось очень неловко — я и сам многого не знал, да и не понимал. Это сейчас, когда тайное стало явным и раскрытым, я бы дал, наверное, более квалифицированные ответы. Но теперь, по прошествии лет, я понимаю, что студенты разбудили во мне тревогу, возможно даже смятение, заставили более чутко прислушиваться и внимательно присматриваться к тому, что происходит и в Венгрии, и в СССР.

Правдивых ответов на свои недоуменные вопросы студенты в печати не находили и, как мне кажется, именно поэтому создавали дискуссионные кружки³⁵, переросшие позднее во Всевенгерский дискуссионный кружок имени Шандора Петёфи (Petőfi Kör). Интерес к дебатам в кружке Петёфи был настолько велик, что дискуссию о прессе, например, слушали через репродукторы около 7000 человек. Уже через три дня, в конце июня 1956 года, к всеобщему возмущению кружок был запрещен³⁶ решением Пленума ЦК Компартии Венгрии, а недовольных партийцев исключили из партии.

Студентов особенно волновала развернутая репрессивная политика со стороны АВХ — венгерской госбезопасности (ÁVH — Államvédelmi Hatóság), они не знали еще, что это исходит лично от Ракоши, Герё, Фаркаша. У некоторых воспитанников, особенно в Русском институте (это был элитный вуз, и попадали туда в основном выходцы из семей высшей номенклатуры), в тюрьмах оказались отцы и близкие родственники. Но у многих студентов университета — детей рабочих и крестьян — отцы также были репрессированы.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что осенью 1956 года студенческая молодежь была сагитирована на решительные действия против режима Ракоши не зарубежными разведчиками и контрреволюционными агентами, как это оценивалось в проправительственных изданиях. Хотя не исключено, что они могли использовать выгодные для них политические провалы правящей номенклатуры. «Сагитировала» студентов сама трагическая обстановка, созданная судебными-карательными органами страны для устрашения ее жителей.

Когда по заданиям и просьбам редакций московских журналов я бывал в журналистских поездках по Венгрии, то наблюдал (кстати, и в знакомом мне Дьёндёше), что прежней радости, как это было сразу же после проведения земельной реформы, в стране не наблюдается. Особенно переживали крепкие зажиточные землевладельцы (основные поставщики сельских товаров в магазины и на рынки). Их называли кулаками, их выселяли, у них забирали землю, дома, реквизировали имущество и запасы из продовольственных погребов. В итоге бездомные люди уходили в города.

— У вас в СССР при коллективизации так же было? — спрашивали они меня.